

приказъ своею подписью, вы, министры, прокуроры, тюремные директора, стражи, вы могли садиться за столъ, въ то время, какъ тотъ несчастный томился нагой и изнеможенный до смерти, оплакивая ваше остревенѣніе!»

Вы вѣдь совершенно правы, графъ!

Но въ этомъ спискѣ не пропустили ли вы одного, который хотя прямо и не принималъ участія въ этой «работѣ палача», однако нравственно, внѣ всякаго сомнѣнія, помогалъ ей; скажу болѣе—на голову котораго единственно падаетъ вся нравственная вина? Вслѣдствіе этого, къ рукамъ его, въ моихъ глазахъ, такъ страшно прилипли кровь и слезы несчастнаго, что никакіе духи — которыми, какъ я слышалъ, вы любите при случаѣ окроплять себя—ни вся вода вашей Волги омыть ихъ не могутъ.

И однако же этотъ одинъ, въ то время какъ совершалось это омерзительное